

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ФОРМ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ
КОНФЛИКТОВ**

Фастова Марина Андреевна

канд. юр. наук,

доцент кафедры теории и истории государства и права

Астраханского государственного технического университета, г. Астрахань

E-mail: romanenkoma82@mail.ru

Для успешного функционирования система альтернативного разрешения правовых конфликтов должна иметь высокий уровень легитимности. Направления деятельности по развитию альтернативных процедур должны быть обеспечены четкой законодательной регламентацией. Четкое законодательное закрепление альтернативных форм разрешения правовых конфликтов способствует переходу от декларируемого социального, правового и демократического государства к реальному. Ряд альтернативных форм разрешения правовых конфликтов нашел свое законодательное закрепление, тем не менее, в рассматриваемом вопросе есть и ряд недоработок.

Прежде всего следует коснуться такой альтернативной формы как переговорный процесс, которая не нашла на сегодняшний день своего законодательного закрепления, хотя в отечественной практике именно переговоры чаще всего используются для урегулирования экономических споров, возникающих в сфере предпринимательской деятельности. Кроме того, переговоры, являясь эффективным способом урегулирования правовых конфликтов, остаются малоприменяемыми в России до сегодняшнего дня. Вероятно, из-за того, что в нашей стране в результате почти векового централизованного руководства всеми сферами государственной и общественной жизни сложился подход к разрешению конфликтов, в основном, властными полномочиями правительственных и судебных органов. Поэтому требуется

время для изменения данного сложившегося стереотипа, и ведущая роль в этом принадлежит праву.

Рассматривая соотношение правового регулирования и реальных стереотипов поведения, А.Б. Венгеров отмечает, что, если при конструировании правовой нормы, моделирующей то или иное поведение, не будет учитываться сложившийся стереотип поведения, она может потерять всякое значение, всю свою реальность, и, наоборот, право иногда становится необходимым, чтобы преодолеть сложившийся социально-негативный стереотип поведения[1, с.362]. Последнее замечание относится и к переговорам. Но поскольку переговоры, как отмечает Е.И. Носырева, «относятся к не регламентированным законом приемам урегулирования конфликтов, то здесь речь может идти только о постепенном изменении правосознания, о формировании новой правовой культуры», в связи с чем представляется, что в преодолении стереотипности поведения применительно к переговорам следует ориентироваться в первую очередь на научное и профессиональное правосознание[3, с.53]. Соглашаясь с данной позицией, отметим, что необходимо учитывать и повышение обыденного уровня правового сознания.

Вообще, наиболее основной причиной крайне редкого обращения к переговорам является отсутствие представлений об этой процедуре как эффективной форме выхода из правового конфликта. А для этого, во-первых, необходима разработка отечественной теории переговоров, ориентированной на особенности российской правовой системы. В основу развития такой теории могут быть положены результаты уже существующих отечественных научных разработок в сочетании с использованием развитого зарубежного опыта.

Во-вторых, важно овладение теорией переговоров как на профессиональном, так и на обыденном уровнях. Переговоры как форма разрешения правовых конфликтов составляют, в основном, прерогативу юридической профессии, поэтому в данном случае имеется в виду профессиональный уровень правосозна-

ния, прежде всего, юристов-практиков, в задачу которых и должно входить разъяснение роли переговоров при обращении граждан за консультациями.

И, в-третьих, необходимо и возможно на основе научных разработок ученых по общей и юридической конфликтологии создавать нормативные документы или вносить изменения в существующие положения, касающиеся переговоров. В связи с этим возможно в главу 15 АПК РФ «Примирительные процедуры. Мирное соглашение» включить нормы о процедуре переговоров, а именно: что такое переговорный процесс, в чем он выражается, каким требованиям должен соответствовать, какие цели должен преследовать, на какой правовой основе должен базироваться, и кто может проводить переговоры.

Поэтому, на взгляд автора, целесообразно дополнить гл. 15 АПК РФ, включив в нее статью 138': 1. Переговоры – это процесс, посредством которого стороны, вовлеченные в правовой конфликт, обсуждают его друг с другом, стараясь достичь взаимоприемлемого соглашения. 2. Решение вырабатывается совместно всеми участниками переговоров. 3. Решение, принятое на переговорах, подлежит протоколированию сторонами, является окончательным и подлежит обязательному исполнению.

При переговорном процессе, как и при использовании других альтернативных форм, очень важно опираться на документальную основу. Стороны могут обменяться заявлениями о разрешении конфликтов путем переговоров либо добровольно, при взаимном согласии предусмотреть положения о переговорах в договоре, сделав оговорку в нем, которая становится обязательной.

Другим важнейшим способом мирного урегулирования правового конфликта является примирение сторон. Судебное примирение в традиционном понимании – это заключение мирового соглашения, которое получило достаточно широкую регламентацию в российском законодательстве. В России на стадии подготовки дела к судебному разбирательству на основании п. 2 ст.

135 АПК РФ, п. 5 ст. 150 ГПК РФ судья принимает меры для заключения сторонами мирового соглашения. Стороны могут заключить мировое соглашение на стадии судебного разбирательства в соответствии с п. 4 ст. 49 АПК РФ, ст. 172 ГПК РФ. При утверждении мирового соглашения сторон на основании п. 2 ст. 150 АПК РФ, п. 3 ст. 173 ГПК РФ суд выносит определение, которым одновременно прекращается производство по делу. Требования к форме, содержанию мирового соглашения также закреплены в названных кодексах (ст. 140, 141 АПК РФ, 173, 346 ГПК РФ).

Вместе с тем, необходимо указать на необходимость унификации процессуального законодательства. Мировое соглашение имеет большое значение и в гражданском, и в арбитражном процессах. Рассредоточение же норм о мировом соглашении в разных разделах и подразделах ГПК не позволяет нам сформировать мнение о том, что мировое соглашение является самостоятельным институтом гражданско-процессуального права. Если судья предлагает сторонам заключить мировое соглашение и если стороны не обладают юридическим образованием, то им довольно сложно понять, что же представляет собой мировое соглашение. Поэтому, по мнению автора, ГПК можно систематизировать по аналогии с АПК, введя самостоятельную главу о мировом соглашении. Кроме того, указав, что заключение мирового соглашения возможно и по части спора; в этом случае суд рассматривает оставшуюся часть спора по существу.

Еще одним важным вопросом является проблема конфиденциальности данной примирительной процедуры. Необходимо отметить, что российские суды могут принимать в качестве доказательств сведения, полученные в ходе примирительной процедуры, и привлекать посредников и иных третьих лиц, содействующих примирению сторон, в качестве свидетелей без согласия всех сторон, что негативно сказывается на эффективности примирительной процедуры. Исходя из этого, возможно дополнить Арбитражный и Гражданский процессуальные кодексы положениями о запрете (сведения,

полученные в ходе примирительной процедуры, не должны быть использованы в качестве доказательств, если они подлежали раскрытию в ходе судебного разбирательства, а посредники не должны привлекаться в качестве свидетелей по данному делу без согласия сторон).

По мнению автора, именно заключение мирового соглашения относится к той области, где наиболее оптимально сочетание частных и государственных интересов. Ведь, как отмечал В.А. Рязановский при характеристике гражданского процесса, «при организации процесса должны быть приняты не только интересы отдельных лиц и свойства принадлежащих им гражданских прав, но и интересы правопорядка, интересы публичные» [4, с.33]. С этой точки зрения законодательная регламентация мирового соглашения должна строиться таким образом, чтобы, во-первых, полностью обеспечить возможность реализации диспозитивных прав сторон и, во-вторых, использовать эту возможность в целях повышения эффективности судебной деятельности по гражданским делам.

Однако, помимо широкого использования мирового соглашения в гражданско-правовой сфере, в последнее время все чаще высказываются позиции о возможности его заключения и в уголовном процессе. В мировой научной мысли проблема применения мирового соглашения в уголовном процессе получила название «восстановительное правосудие» и была поднята в 70-е годы.

При восстановительном подходе к правосудию в рамках разрешения правового конфликта делается упор не на наказание, а на примирение сторон и возмещение ущерба, т.е. при такой процедуре, в первую очередь, выясняется не истина по уголовному делу, а последствия для конкретного человека. В России имеется законодательный потенциал реализации концепции восстановительного правосудия. Он содержится в уголовно-правовом институте освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) и соответствующем ему уголовно-процессуальном институте прекращения уголовных дел в связи с примирением

сторон (ст. 25 УПК РФ). Однако, следует еще раз подчеркнуть, что указанные статьи – это не восстановительное правосудие, а только законодательный потенциал для него.

Статья 25 УПК РФ устанавливает процессуальный порядок применения ст. 76 УК РФ. В ней говорится, что суд, прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. Нетрадиционное основание освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, закрепленное в ст. 76 УК РФ, заставляет несколько иначе взглянуть на роль и место примирения вообще и мировых соглашений в частности.

В связи с отсутствием четкой законодательной регламентации существуют разные способы понимания «примирения» между обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим. Так, одни авторы понимают его как односторонний отказ потерпевшего от привлечения лица к уголовной ответственности, что характерно для дел частного обвинения и не отражает специфики прекращения дел частного-публичного и публичного обвинения; другие определяют «примирение» через категорию «результат» (рассматривая примирение как результат). По мнению автора, прав Е.А. Рубинштейн, рассматривающий примирение как «определенный поведенческий акт... связанный с необходимостью активных действий, направленных как на разрешение конфликта, так и на исправление его последствий в виде заглаживания вреда» [5, с.14]. Заглаживание вреда как условие прекращения уголовных дел в порядке ст. 25 УПК РФ сводится к исполнению лицом (обвиняемым, подозреваемым) обязательств вследствие причинения вреда

(деликтных обязательств). Но потерпевший вправе и не требовать возмещения вреда.

В связи с этим в теории и на практике существует проблема: следует ли понимать употребленное законодателем прошедшее время («загладило причиненный ущерб») буквально? По мнению некоторых авторов, прекращение уголовного дела и освобождение от уголовной ответственности в порядке вышеуказанной статьи должны допускаться и в том случае, когда вред еще реально не возмещен, но со стороны уголовно-правового конфликта (потерпевший и лицо, совершившее преступление) заключили «примирительный договор» – соглашение, в котором предусмотрели порядок возмещения ущерба, причиненного преступлением[8, с.111]. Подобного рода соглашения получили достаточно широкое распространение в таких странах, как Англия, США, Франция и ряде других. Возникает вопрос: кто в таком случае должен утверждать соглашение сторон, чтобы оно стало обязательным для исполнения?

По нашему мнению, правы ученые, которые подчеркивают, что утверждение подобного рода уголовно-процессуальных мировых соглашений и придание им исполнительной силы могло бы быть включено в число полномочий мирового судьи (именно так обстояло дело в дореволюционной России). А пока потерпевший, согласившийся на заключение с виновным договора о возмещении причиненного преступлением вреда, в случае прекращения уголовного дела на основании ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ имеет возможность искать защиты своих прав при неисполнении (ненадлежащем исполнении) условий договора только в порядке гражданского судопроизводства.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве нигде прямо не говорится об использовании в рамках института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон примирительных соглашений, но анализ законодательства позволяет сделать вывод о том, что их использование все же

допускается. При этом представляется, что такие соглашения должны заключаться в письменной форме, утверждаться судом и иметь силу исполнительного листа.

Что же касается третейского суда, то, в настоящее время в России сформированы необходимые правовые условия для развития третейского разбирательства. Это, однако, не означает отказа от возможности его совершенствования по ряду направлений. Первым из них является дальнейшая унификация правового регулирования третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража. О.Ю. Скворцов справедливо отмечает, что важнейшей задачей развития законодательства о третейских судах является синхронизация внутреннего законодательства со стандартами международного уровня[7, с.619].

Заслуживает внимания законодателя, по мнению автора, и вопросы подведомственности дел третейским судам. Так, О.Ю. Скворцов, выделяя среди важных направлений развития правового регулирования третейского разбирательства усовершенствование норм, регулирующих определение четкой предметной подведомственности дел, предлагает законодателю отказаться от избранного им приема определения арбитрабельности правовых конфликтов, когда в законе предусмотрено, что на рассмотрение третейского суда могут быть переданы правовые конфликты, возникающие из гражданских правоотношений. По его мнению, необходимо более четко определиться с категориями правовых конфликтов, передаваемых на разрешение третейского суда, поскольку часть из них возникает на стыке частных и публичных отношений и может иметь смешанный – частноправовой и одновременно публично-правовой – характер.

Автор полагает, что предложения О.Ю. Скворцова носят дискуссионный характер. Мы скорее согласны с С.А. Курочкиным, отмечающим, что зарубежная практика третейского разбирательства свидетельствует о расширении

подведомственности дел третейским судам, установлении широких возможностей для участников гражданского оборота в выборе средств защиты прав и законных интересов, которыми они могут свободно распоряжаться [2, с.223]. Считаем, что следование концепции О.Ю. Скворцова будет означать отход от общедозволительного принципа, серьезное ограничение прав субъектов экономической деятельности. Можно предположить, что в подобном случае целесообразно при ограничении сферы применения третейской формы регулирования правовых отношений использовать механизм расширения исключительной подведомственности дел государственным судам.

На взгляд автора, важную роль в практике дальнейшего развития третейского разбирательства в России должна сыграть государственная поддержка. Одним из направлений такой поддержки является деятельность, нацеленная на укрепление взаимодействия между третейскими судами и государственными. Здесь возможно проведение обучающих семинаров, к участию в которых привлекались бы государственные судьи с тем, чтобы получить наиболее полное представление о существе третейского разбирательства, его значении для экономической и правовой жизни государства.

О.Ю. Скворцов, резюмируя общее мнение ученых, занимающихся проблемами третейского разбирательства, справедливо замечает, что «одним из важнейших компонентов развития третейского суда является деятельность, направленная на развитие знаний об этом институте» [7, с.633]. И здесь ведущая роль принадлежит внесению в планы учебных заведений программ по обучению альтернативным формам разрешения правовых конфликтов вообще и третейскому судопроизводству в частности.

По мнению автора, не менее важное значение имеет популяризация сведений о возможности рассмотрения правового конфликта за рамками государственной судебной системы в деловом сообществе. Информационное обес-

печение участников гражданского оборота может строиться на системной основе и через средства массовой информации.

Для успешного применения указанных альтернативных процедур на практике, а также для возможности реализации совершенствования законодательства необходимо решить круг задач по определенным направлениям.

Аспекты деятельности по развитию системы альтернативных процедур могут быть представлены следующими направлениями: организационное; научное; учебно-методическое; представительское; информационное; статистическое; экономическое (маркетинговое). Дадим краткую характеристику представленным направлениям.

Организационное направление – это объединение заинтересованных лиц в процессе создания организационных структур, которые будут выступать в качестве субъектов (органов) совместной деятельности. В результате консолидации усилий повышается эффективность и качество предполагаемой деятельности. Такими организационными структурами являются третейские суды, центры разрешения конфликтов, общественные объединения любого уровня (местные, региональные, межрегиональные, всероссийские). Их деятельность должна быть направлена, прежде всего, на то, чтобы альтернативные формы получили свое применение на практике, способствуя тем самым реализации прав и свобод человека в этой области.

Научное направление в сфере альтернативных средств предполагает разработку стройной и последовательной концепции развития альтернативных процедур разрешения правовых споров и конфликтов в России. К нему также относится обобщение мирового опыта и формирование адаптированной теоретической базы альтернативных форм.

Государственная система образования пока не учитывает возрастающую в современных условиях потребность по обучению специалистов в области альтернативных средств. Пробелы в существующей системе образования могут

быть устранены, если учебно-методическую деятельность вести в следующих направлениях: 1) внедрение в учебные программы вузов курсов по альтернативным формам; 2) обучение и повышение квалификации практикующих специалистов в области альтернативных средств (третейских судей, посредников, конфликтологов и др.); 3) проведение семинаров и конференций, разъясняющих общественности сущность альтернативных методов и обобщающих передовой опыт; 4) подготовка и выпуск учебно-методических пособий, комментариев нормативных актов в области альтернативных форм. Именно учебно-методическое направление и должно способствовать появлению высокопрофессиональных специалистов как гарантов эффективного применения альтернативных средств.

Представительское направление в области альтернативных форм разрешения правовых конфликтов предназначено для защиты интересов на любом уровне. Это и лоббирование законопроектов, и участие в более крупных организационных структурах, и отстаивание своих жизненно важных интересов в органах власти, в том числе и судебных.

Информационное направление связано с пропагандой и популяризацией альтернативных методов в органах государственной власти и местного самоуправления, деловых кругах, среди специалистов в области юриспруденции, среди населения. Это своего рода рекламная деятельность по продвижению информации на рынке. Необходима концепция PR («связи с общественностью»). В этой работе должны быть задействованы СМИ и использоваться самые передовые технологии.

Мониторинг (методы статистических исследований) деятельности в области альтернативных методов позволит аккумулировать данные для обобщения опыта, который может быть использован в дальнейшем развитии.

Экономическое (маркетинговое) направление также необходимо для успешного развития альтернативных средств. Это прежде всего работа по раз-

яснению общественности достоинств (преимуществ) альтернативных методов, а также формированию финансовой основы – фактора независимости и самостоятельности альтернативных образований[6, с.47].

Конечно же, приведенные выше направления деятельности не являются исчерпывающими. Перечислены только те задачи, которые нужно решать сегодня. Следует подчеркнуть, что данные задачи являются разноуровневыми, т.е. решить весь комплекс вопросов может только достаточно мощная организация. Вряд ли сможет организация местного и даже регионального уровня представлять интересы, решать вопросы, требующие серьезной научной проработки и больших финансовых вливаний. Из этого можно сделать вывод: чтобы успешно решать весь комплекс вопросов, связанных с развитием альтернативных форм разрешения правовых конфликтов в России, необходимо объединение заинтересованных лиц на достаточно высоком – межрегиональном и все-российском – уровне.

Только с учетом решения вышеназванных задач и можно будет говорить об эффективном совершенствовании законодательства и реализации альтернативных форм разрешения правовых конфликтов в России.

Список литературы:

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права.[Текст] М.: Юрист, 1998. – 562 с.
2. Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. [Текст] М.: Волтерс Клувер, 2007. – 272 с.
3. Носырева Е.И. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. [Текст] Воронеж, 2001. – 375 с.
4. Рязановский В.А. Единство процесса. [Текст] М.: Наука, 1996. – 215 с.

5. Рубинштейн Е.А. Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. [Текст] М., 2004. – 21 с.
6. Севастьянов Г.В. Развитие альтернативных методов разрешения правовых споров и конфликтов в России // Третейский суд. [Текст] 2002. № 2. С. 45-53.
7. Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. [Текст] М.: Волтерс Клувер, 2005. – 639 с.
8. Флямер М.Г. Правовое обеспечение практики восстановительного правосудия: Мировые тенденции и перспективы в России // Государство и право. [Текст] 2003. № 10. С. 109-115.